

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

МАКЕЕВА И. И.

К ВОПРОСУ О СОБИРАТЕЛЬНЫХ ИМЕНАХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ (На примере названий драгоценных камней)

Имена существительные, являющиеся названиями минералов, традиционно рассматриваются среди лексико-грамматического разряда вещественных, как и слова, обозначающие продукты питания, напитки, лекарственные вещества, пушно-меховые, текстильные и кожевенные материалы и под. [1, с. 132; 2, с. 462]. Принадлежность имени к данному разряду определяет условия появления форм мн. ч., их семантику, которые определяются типом вещественного значения. В ранних памятниках древнерусской письменности вещественные существительные свободно образовывали формы мн. ч. в значении логического множества, особенно имена, обозначающие вещества предметно или объемно ограниченные, твердые, обладавшие наряду с вещественным предметным значением [3]. Названия драгоценных минералов сохраняли предметное значение на протяжении длительного времени, в связи с чем они обладали возможностью сочетаться с количественными числительными, иметь нелексикализованные формы мн. ч., употребление которых подразумевает наличие более чем одного камня (кристалла), и приобретали в отдельных случаях контекстуальное значение собирательности.

Некоторые из наименований драгоценных камней — существительные *бисер* и *жемчуг*¹ — признак совокупного множества содержат в семантике слова, т. е. обладают лексическим значением собирательности.

Вопрос о вхождении слов такого типа в лексико-грамматический разряд собирательных существительных является одной из дискуссионных теоретических проблем не только для современного русского или древнерусского языков, но и для других славянских и западноевропейских, например, немецкого, языков. С точки зрения одних исследователей (С. Н. Абакумова, И. Э. Еселевич, В. З. Панфилова, Л. И. Фроловой и др.), основывающихся на семантике слова, принадлежать к собирательным могут не только существительные с формальным показателем данного значения, но и такие, как русск. *толпа*, *лес*, *мебель*, *хвоя*, укр. *натовп*, *ліс*, *згряя*, *агрус*, белорусск. *натоўп*, *згряя*, *плойма*, *атрад*, нем. *das Volk*, *die Familie* и др. Противоположной точки зрения придерживались лингвисты (Л. А. Булаховский, В. В. Виноградов, А. А. Шахматов, Л. В. Щерба), которые в качестве основного признака собирательных имен рассматривали отсутствие у таковых форм множественного числа и несочетаемость с количественными числительными.

Отмеченные в памятниках русской письменности XI—XVII вв. сочетания типа *три братья* (Лавр. лет., 9²), *1000 гребенья* (Перс. д., 12) и формы *камений различными* (Ефр. Корм., 175), *имѣя сѣсеная былиа* (Златостр., 54), а также предпринятые в последние десятилетия исследования позволяют все же ставить вопрос о возможности у собирательных имен (причем с формальным показателем данного значения, которые включаются в разряд собирательных всеми исследователями) форм мн. ч. и сочетаний с количественными числительными, по крайней мере в русском языке XI—XVII вв.

¹ Жемчуг традиционно рассматривается среди ювелирных камней.

² Сокращенные названия источников приведены по Указателю источников Картопки Словаря русского языка XI—XVII вв. [4].

Собирательное имя отражало, во-первых, общую идею множественности, во-вторых, — и это является одним из показательных моментов его семантической характеристики — указывало на «неопределенность количества конкретных предметов, совокупность которых названа собирательным существительным» [5, с. 16]. Формы мн. ч. собирательных на *-ие* имели значение дистрибутивного множества; кроме того, указывали на интенсивность количества, подчеркивали множественность. Для простых форм мн. ч., т. е. от конкретно-единичных слов, в русском языке выделяют два основных значения: разделительное (дистрибутивной множественности) и собирательное (собирательной множественности) [1, с. 136; 2, с. 472; 6]. Первое из них служит для выражения определенного, количественно ограниченного множества, обычно небольшого, противопоставляясь единичности [7, с. 90]. С помощью форм мн. ч. со значением собирательной множественности передается представление о неопределенном несчитаемом количестве. Употребление собирательного имени, его формы мн. ч. или простых форм мн. ч. (от соответствующего конкретно-единичного наименования) обусловлено передаваемым смыслом: «В среднерусском языке XV—XVI вв. имена собирательные выражали общие (качественные) значения множественности, а грамматические формы мн. ч. — собственно количественные значения. Иначе говоря, при указании на множество данного рода применялось имя собирательное, а при указании на определенное количество — форма мн. ч.» [7, с. 91].

Таким образом, само наличие у слов с лексическим значением собирательности форм мн. ч. не является препятствием для включения их в лексико-грамматический разряд собирательных существительных. Существенным может оказаться совпадение или несовпадение значений этих форм у данных слов и характеризованных [8] собирательных. Общность не только семантики слова, содержащей признак неопределенного совокупного количества, но и значений грамматических форм может быть рассмотрена как основание для объединения таких слов в пределах одного разряда существительных.

Важным для подобного объединения является также вовлечение имен с лексическим значением собирательности в процессы, свойственные характеризованному собирательным, такие, как тенденция конкретизации, ослабления прежнего значения совокупности, что делает возможным употребление собирательного существительного в функции *quasiplural*, т. е. способность обозначать дистрибутивное множество формой ед. ч.

У слов с лексическим значением собирательности, являющихся заимствованиями в древнерусском языке и обладающих сложной семантической структурой, при определении их отношения к разряду собирательных должны быть учтены, по возможности, наличие или отсутствие значения собирательности в исходном языке и система значений слова.

Бисер является ранним заимствованием из арабского языка через тюркское посредство. Этимологии слова из араб. *busra* «поддельный жемчуг, стеклярус» через тюрк. *büsrä* придерживались П. Мелиоранский, Э. Бернекер, А. Преображенский, М. Фасмер и другие. Некоторые исследователи (А. Брюкнер, В. Махек, П. Скок) высказали возражения против «тюркского посредства». Другое исходное слово (арабизированное перс. *bussad* «коралл») предложил К. Менгес; изучением тюркского этапа заимствования (**büsr* > булг. *l̥syr* > др.-болг. *бисѣръ*) занимался А. Львов. М. Рачева, которая подвела итоги более чем 150-летнего исследования этимологии слова, уточнила исходную арабскую форму и ее значение — собир. *busr* «бусины, пронызы», что представляется наиболее интересным в связи с вопросом о собирательности [9, с. 80—81].

Основываясь на новом болгарском диалектном материале, М. Рачева пришла к выводу, «...что в русский язык слово проникло двумя путями: из языка волжских болгар со значением „бусины, пронызы (собр.)“ и из древнеболгарского языка с книжным значением „жемчуг“, возникшим при переводе греческого слова *μαρμαρίτης*» [9, с. 83].

Семантическая структура слова в древнерусском языке не исчерпывается этими двумя значениями.

В памятниках XVI—XVII вв. естественнонаучного характера — травниках, вертоградах, лечебниках, переведенных с латыни, западноевропейских и западнославянских языков, а также лексиконах того же периода у слова *бисер* появилось значение «драгоценный камень», соответствовавшее лат. *gemma*: Бисеръ каменъ чѣсть или женчюгъ драгии. Сказ. речем, 234. XVI в. О драгих каменнѣхъ спирѣчь о бисерехъ. Травник Любч., 652 об. XVII в. ~1534 г. Оно, как кажется, осталось незамеченным М. Рачевой, которая пишет: «Древнечешское значение слова *biser* „calculus, gemma“ в некоторых памятниках начала XV в. стоит особняком среди известных значений этого заимствования в других языках» [9, с. 83]. Оно отмечено также в памятнике староукраинского языка — Латино-словенском лексиконе Е. Славинецкого (XVII в.): *Gemma, a(e), gemmula* — бесеръ, бисерець [10]. М. Рачева возводит данное значение к одному из значений араб. *haraz* «жемчуг», «драгоценный камень», «вообще все, что можно нанизать для украшения» [9, с. 83]. При переносном употреблении слова у него появляется значение «сокровище, драгоценность»: Ни дажь целомудриа нашего псомъ, ни бисера дѣвства нашего свиньскимъ человѣкомъ. ВМЧ, Сент. 25—30, 2237. XVI в.

В значении «жемчуг» существительное *бисер* встречается уже в ранних памятниках древнерусской письменности, преимущественно переводных, но также и оригинальных. Значение, соответствовавшее значению исходного арабского слова — «бусины, пронызы, стеклярус» — в русских памятниках отмечается с XVII в.: 630 фунтъ бисеру литого. (Росп. узор.) РИБ II, 567. 1635 г. По таможенной выписи остальных непроданных товаров... семьсотъ листовъ золота и серебра листового, два пуда бисера цвѣтного. А. Холмог. там. избы, № 1083. 1683 г. Именно оно, по мнению М. Рачевой исконное, возводимое к арабской собирательной форме, оказывается связанным с лексическим значением собирательности. Обладая им, слово *бисер* не употребляется, насколько можно судить по данным памятников, относительно, впрочем, немногочисленным из-за поздней фиксации данного значения, в форме мн. ч. Случай, когда такая форма встрети-лась в конструкции *с бисеры* (Карманецъ, низанъ жемчюгомъ съ корольки и зъ бисеры. Посольство Барятинского, 519. 1621 г.) при параллельном *с бисером* (Рясы жемчужные съ бисеромъ лазоревы. Оп. кн. Спасо-Евф. м., 10, тж. 13. 1660 г.) может быть обусловлен предшествующей формой *с корольки* и не позволяет делать выводы.

В качестве эквивалента греч. *μαργαρίτης* «жемчужина» сначала в старославянских, затем древнерусских переводных памятниках *бисер* было воспринято, видимо, как обозначение одного предмета, как конкретно-единичное существительное: Подобно есть дрѣвѣе нѣбѣе члѣку, ищущу добра бисера (*μαργαρίτας*), иже обрѣтъ единъ мѣногочѣннѣ бисерь (*μαργαρίτην*) шѣдь продасть все, елико имѣаше, и купи его. (Матф. XIII, 44—45) Остр. ев., 227. 1057 г. Закрепившееся в древнерусском языке значение «жемчужина» у существительного *бисер* обусловило употребление формы мн. ч. для передачи идеи множественности: Топази оны и бисеры многоцѣнныи яко лящю весь посыпанъ. Врем. И. Тим., 342. XVII в. Основным для мн. ч. в таких случаях следует считать его наиболее распространенное значение дистрибутивного множества, однако можно предполагать наличие оттенка собирательности.

Довольно рано слово приобретает контекстуальное значение собирательности: Нѣкогда каменникъ, его же наричють кавидарионъ, имы камень многоцѣннѣ и бисерь (*λίθος πολυτίμος καὶ μαργαρίτας*). Патерик Син., 340. XI в. Появление собирательности у *бисер* «жемчуг» зависит от перевода текста в целом: большего или меньшего соответствия греческому оригиналу. При буквальном следовании форма мн. ч. греч. *μαργαρίτης* передается формами мн. ч. русск. *бисер*: Ни помѣтайте бисерьъ вашихъ прѣдъ свинями, да не поперуть ихъ ногами своими (*μαργαρίτας*). (Матф. VII, 5) Остр. ев., 60. Си ми суть смъртѣныя побѣды круны, си моего црства църсѣции бисери (*μαργαρίται*). (Сл. Григ. Антиох.) Усп. сб., 401. XII—XIII вв. При достаточно свободном переводе текста как эквивалент

греч. формы мн. ч. в русском употребляется форма ед. ч. существительного *бисер*, которое приобретает таким образом контекстуальное значение собирательности. Впоследствии оно становится вполне обычным и в оригинальных произведениях. Условием его появления большей частью отвечают перечислительные конструкции с другими собирательными с формальным показателем данного значения (*камене*) и вещественными (чаще *золото*) существительными и наличие во фразе глагола типа *украсить*: И жена бяше одѣна багъромъ и чървлению, позлащеньмъ златъмъ и каменiemъ чьстньнымъ, бисьромъ украшена (*ιερραρίται*). Сл. Испол. об антихр., 52. XII в. Гдѣ ... вѣнецъ царской, бисеромъ и каменiemъ драгимъ устроенъ? Ав. кн. Толк., 575. XVII—XVIII вв. ~1677 г. В тех же ситуациях, поскольку слово обозначало конкретно-единичный предмет, возможно при отсутствии контекстуального значения собирательности употребление формы мн. ч. *бисеры* с указанной выше семантикой.

От слова в этом значении при участии традиционного аффикса собирательности было образовано собирательное существительное *бисерие*, известное уже в ранних памятниках русской письменности (XII в.). В соответствовавших ситуациях оно выступало вместо производящего слова с контекстуальной собирательной семантикой: Яко одежда златотканна бисерiemъ обнизана и украшена. Хроногр. 1512 г., 23. Это слово не получило большого распространения и отмечено в ограниченном числе памятников (в основном Хроногр. 1512 г., ВМЧ). Форма мн. ч., которую имели аналогичные имена на *-ие*, у существительного *бисерие* не была, видимо, известна.

Со значением «бусины, пронизы, стеклярус», когда слово *бисер* имело лексическое значение собирательности, связано появление сингулятива *бисерина* «одно зерно бисера, бисерина», достаточно, впрочем, позднее в связи с поздней фиксацией такой семантики.

Характерное для переводных произведений и оригинальной литературы определенного жанра (неделового), *бисер* воспринималось как книжное, церковнославянское, стилистически маркированное. Противоположным — русским и нейтральным — ощущалось существительное *жемчуг*. Его этимология рассмотрена в работах Х. Д. Фрэна, П. Мелиоранского, Х. Шельда, К. Менгеса, И. Г. Добродомова и др. Тюркское происхождение русского *жемчуг* первым отметил Х. Д. Фрэн; П. Мелиоранский уточнил возможный источник заимствования: не половецкий, а более древний диалект, джекавший или жекавший, коснулся китайского источника слова [11]. И. Г. Добродомов как вероятное называет заимствование русскими этого слова у тюрков, «...которых историки уже давно отождествляют с узами — гузами — огузами других источников» [12]. Достаточно подробно останавливаясь на китайском обозначении жемчуга *čžyn-čžu*, К. Менгес полагает, что «...слово было заимствовано славянами из какого-нибудь алтайского языка, предшественника половецкого языка на юге России, такого, как, например, язык печенегов или волжских булгар, или же из алтайского слоя языка какого-нибудь другого союза племен, пришедших на запад вместе с гуннами или аvaraми или вскоре после них» [13].

В языке XI—XVII вв. и современном русском *жемчуг*, как и его предполагаемые источники, обозначает жемчуг, драгоценное перламутровое вещество в форме зерен или шариков белого или розового (реже черного) цвета, добываемое из раковин некоторых моллюсков (ССРЛЯ, IV, с. 73).

Со времени своего появления (первое упоминание в надписи на кресте св. Евфросинии Полоцкой: Злото и серебро, и камѣнь, и жьнчюгъ. Др. пам. 2, 66. 1161 г.) *жемчуг* является словом с лексическим значением собирательности, образуя форму мн. ч., появление которой может быть связано с историей признака совокупного множества у данного существительного.

Жемчуг представляет собой образования шарообразной или неправильной формы, наименование каждого из которых (сингулятив *жемчужина*) появилось довольно поздно. Существовавшая необходимость передать не неопределенное, а точно известное количество экземпляров (зерен) жемчуга привела к появлению у слова значения общего числа: оно могло быть соотнесено с одним и с несколькими зернами жемчуга. Подобное употребле-

ние характерно для таких деловых документов, как духовные грамоты, описи. Духовные грамоты ранее середины XIV в. зафиксировали переходное состояние, т. е. наряду с сохранением прежнего значения совокупного множества, которое предполагает употребление слова в ед. ч., возникновение соотносительности существительного *жемчуг* с одним предметом, в результате чего для передачи идеи множества появляется форма мн. ч.: Кожухъ желтая обирь с женчугомъ... бугаи соболии с наплечки съ великимъ женчугомъ с каменьемъ. Дух. и дог. гр., 8, ок. 1339 г. — 2 чаши золоты с женчуги, блюде золото с женчугомъ с каменьемъ. Там же, 7.

Она входит прежде всего в состав предложной конструкции с *жемчуги*, постановка в которой слова в ед. ч. может быть понята как сообщение об одном предмете. С XV в. употребление формы мн. ч. в данной конструкции становится обычным, в XVI—XVII вв. — единственно возможным, независимо от фразового окружения — имен собирательных или единичных: Крестъ воздвизалной... по рукамъ вдѣлывано каменье и съ жемчюги. Кн. п. Моск. I, 295. 1578 г. Ножны золоты жъ съ яхонты.. и зъ жемчюги. Перс. д., 41. 1615 г. Пят крѣстов аспидных... з жемчюги и с камен(ь)емъ. Кн. пер. Волог. Спасо-Прилуц. м., 98об — 99. 1653 г. Семантику формы следует, видимо, определить как выражающую значение множества (дистрибутивного) с оттенком собирательности.

Будучи соотносительным с одним предметом, слово *жемчуг* получило возможность образовывать сочетания с количественными числительными с целью передачи определенного количества: А поминок послал князь великий к Матиашу соболь черный, ноготочки у него золотом окованы с жемчюгом, 20 жемчюгов новгородских на всех ногах, а жемчуг не малый, и хороши и чисты. Дела цесарские, 1488 г. [14]. Сочетания данного слова с числительными распространены и в более позднее время, после появления сингулятива *жемчужина*. Как и употребление формы мн. ч. в конструкции с *жемчуги* и значение общего числа, они являются принадлежностью памятников народно-разговорного языка, деловых документов. В памятниках книжных, неделовых слово сохраняет лексическое значение совокупного множества, в связи с чем в той же самой конструкции с предлогом *с* в этих памятниках употребляется форма ед. ч.: Единъ (венок) бьше украшенъ златомъ чстным... други же съ женчугомъ драгымъ и великимъ блистающъ. Пролог, 12. XIII в. Нашли ... единъ ковчежикъ изъ жемчужной матицы съ жемчюгомъ, зѣло художно дѣланный. Х. Рад., 99. 1695 г.

Лексическое значение собирательности может быть выявлено или усилено благодаря фразовому окружению: определениям *весь, всякий* и под., а также глаголам с «общим значением совмещения, соединения» [5, с. 66]. В словосочетаниях с глаголами *(на)низать, обнизать, (у)садить, обложить* существительное *жемчуг* употребляется в форме ед. ч., которая вместе с данными глаголами передает представление о совокупном множестве: Да пелена сажена жемчюгом. Дух. и дог. гр., 308, ок. 1486 г. Около вѣнца по краемъ обнизано жемчюгомъ. Оп. кн. Спасо-Евф. м., 4.

В конструкции с предлогом *(про)меж, между* слово *жемчуг* также употребляется в форме ед. ч.: Лысинка, по отласу по червчатому низана жемчюгомъ; промежъ жемчугу горнатики. Викторов I, Оп. цар. казн., 9, кон. XVI в. Сочетание с предлогом, который употребляется для обозначения пространственных отношений при нахождении какого-либо предмета в кругу однородных предметов и имеет значение «среди», уже подразумевает наличие более чем одного зерна жемчуга, т. е. некое множество. Значение совокупности сохраняется, но в то же время появляется оттенок дистрибутивности под влиянием предполагающего некое разделение, дробность предлога *между*.

Поддерживаемые ослаблением значения совокупного множества формы мн. ч. появляются вне конструкции с предлогом *с*, достаточно, впрочем, редко. Они используются прежде всего для передачи логического множества, осложняясь оттенком дистрибутивности или собирательности. С их помощью передается мысль не просто о множестве предметов, а, вероятно, о множестве определенном, хорошо известном, что является одним из наи-

более распространенных значений простых форм мн. ч.: А то камень и жемчуги на калпацѣ на моем. Дух. и дог. гр., 352. 1503 г. У Макарья у Григор(ь)ева на Колмогорах взял двѣ гривны за жемчюги. Кн. прих. Корел. м. № 941, 80б — 9. 1572—75 гг.

Как у существительного, обозначающего вещество, у формы мн. ч. *жемчуги* в некоторых случаях можно предположить свойственную вещественным именам лексикализацию, т. е. указание на виды, сорта называемых веществ. Это значение, которое следовало бы ожидать как основное, в действительности встречается редко: Память товарамъ немецкимъ всякимъ, и ефимкамъ, и золотымъ, и сукнамъ, и жемчугамъ и всякой купеческой рухляди, по чему на Москвѣ и на Мурманскомъ и въ нѣмцахъ купятъ и продають. Торг. кн., 116. XVII в. ~ XVI в.

Поскольку несмотря на отмеченные процессы существительное *жемчуг* сохраняло значение собирательности в форме ед. ч., от него с помощью суффикса единичности *-ин(а)* был образован сингулятив *жемчужини* «одно зерно жемчуга, жемчужина»: Да три цаты съ яхонты, и з жемчужинами, и с плохим камен(ь)ем. Дух. и дог. гр., 410, до 1521 г. Появление сингулятива было возможно именно благодаря сохранению признака совокупного множества у производящего слова, так как «...производительные существительные с модификационным значением (единичные, собирательные, уменьшительные...) сохраняют это значение только при условии структурно-семантической оппозиции их производящим словам» [15, с. 70].

Сингулятивы на *-ин(а)* от слов с лексическим значением собирательности появляются с начала XVI в. и «...называют не лицо или предмет вообще, а лицо или предмет, выделенные из числа подобных лиц или предметов» [15, с. 67]. Именно этим может быть объяснено одновременное употребление в грамоте нач. XVI в. з *жемчуги* и з *жемчужинами*, где форма мн. ч. первого слова передает значение множественности с оттенком совокупности, а второго — обозначает выделяющиеся из совокупности предметы.

С появлением слова *жемчужина* представилась возможность выразить определенное количество зерен жемчуга сочетанием данного слова с количественными числительными. Существительное *жемчуг* в форме ед. ч., под которым в некоторых случаях подразумевается такое словосочетание, выступает в качестве формы мн. ч. сингулятива, приобретая значение известного, определенного множества, свойственное простым формам мн. ч.: 21 жемчюжина да искорка яхонтовая красна, сказал Василей, привезъ жемчюгъ из-Иванягорода. А. Моск., 98. 1622 г. Монастырской служебникъ... принесь четыре жемчужины... тотъ жемчюгъ... Заб. Мат. I, 543. 1699 г.

Признак совокупного множества свойствен существительному *жемчуг* в форме ед. ч. Образованные словом формы мн. ч., наличие которых не может служить препятствием для включения имени в разряд собирательных, как правило, не имеют такой семантики, обнаруживая, однако, сходство с соответствующими формами имен с формальным показателем собирательности. Как и последние, они имеют значение множественности (дистрибутивной), свойственное мн. ч. имен со значением собирательности в ед. ч. в других языках: *λῶς*, *populus* — «народ», «ополчение» — *λαῖ*, *populi* — «люди», «воины». Появляющийся в некоторых случаях оттенок собирательности у формы *жемчуги* получил в истории русского языка дальнейшее развитие. Позднее она была заменена формой *жемчуга* с окончанием *-а*, для которой, при возможных параллельных формах с другим окончанием (например, *-ы*: *волоса* — *волосы*), В. В. Виноградов отмечает оттенок совокупности [1, с. 136].

Значение множественности у форм мн. ч. связано с процессом ослабления значения совокупного множества и конкретизацией слова с лексическим значением собирательности, которым подвергались также характеризованные собирательные, в большей степени на *-ье* (*каменьье*, *платье*, *оружье* и под.), в меньшей — на *-ство* [16]. Утрата признака неопределенного совокупного количества ведет к нарушению существовавшего в древнерусском языке соответствия собирательность (ед. ч.) — мно-

жественность (мн. ч.), формируя новые отношения единичность (ед. ч.) — множественность/собирательность (мн. ч.), аналогичные для данного понятия в европейских языках: фр. *la perle* «жемчужина» — *les perles* «жемчуг»; нем. *Perle* «жемчужина» — *Perlen* «жемчуг». Ср.: *Sěmtzук, perle, жемчуг, pearl. Šěmtzusy, perlen, жемчузи, pearles*. Псков. разг. II, 84. 1607 г.

Сочетание значения собирательности и единичности, т. е. наличие значения общего числа, возможность выражения которого приобретает слово *жемчуг* в результате процесса конкретизации, отмечено у имен собирательных определенных словообразовательных типов не только в русском, но и других славянских языках. Таковы собирательные на *-ин(а)*, чье значение общего числа основано на семантике суффикса: одновременно отнесенности к целому и обособленности, отдельности: укр. *вільшина* «ольха (дерево)» и «ольшаник»; *лозина* «лоза» и «лозняк»; польск. *brzezina* «береза» и «березняк, березовая роща»; *jedlina* «пихта» и «пихтовый лес»; чеш. *klenina* «клен» и вещественно-собирательное «кленовые дрова»; *lipina* «липа» и «липовые дрова» и под.; лексикализованные *былие, земли, оружие* и др. в среднеболгарских, старославянских и древнерусских текстах, единичное значение которых связано с тем же процессом конкретизации.

Наметившаяся в русском языке XI—XVII вв. у собирательных имен на *-ие (-ье)* тенденция ослабления значения совокупности и усиления значения множественности создала возможность их семантического сближения с формами мн. ч. соответствующих производящих слов, выражающих ограниченное, известное множество. Как имя с лексическим значением собирательности, *жемчуг* могло выступать в функции *quasiplural*, свойственной «...любым именам, обозначающим совокупность однородных предметов, независимо от способа формирования этого значения» [5, с. 81].

Существительное *бисер* «бусины, пронизы, стеклярус», у которого признак совокупного множества соединен с лексическим значением слова, оказывается вне отмеченных процессов, что обусловлено поздней фиксацией данного значения в русских памятниках и относительно малой употребительностью. В остальных значениях, прежде всего «жемчужина», слово *бисер* приобретает контекстуальное значение собирательности, как все прочие наименования драгоценных камней.

Оба существительных известны не только в древне- и современном русском языке, но и в других славянских языках. Существительное *бисер*, обозначающее жемчуг, сохранилось в словенском, болгарском, сербохорватском языках. В двух последних оно характеризуется лексическим значением собирательности аналогично русскому *жемчуг*. Словенский язык отражает состояние, свойственное русскому языку XI—XVII вв. Существительное *biser* «жемчужина, перл» является единичным, подобно древнерусскому *бисер* «то же», именем. Значение «жемчуг» со свойственной ему семантикой совокупного множества может быть передано собирательным *biserje* или формой мн. ч. *biseri*.

В восточнославянских языках прежде, известное, например, по памятникам старобелорусской письменности кон. XVII в. значение «жемчуг» у существительного *biser* было утрачено. В современных украинском и белорусском, как и русском, слово имеет значение «разноцветные бусины», характеризуясь признаком совокупного множества. Та же семантика отмечена в некоторых говорах болгарского языка, причем в отдельных случаях слово является единичным (Костурская обл.). В качестве наименования жемчуга в белорусском используется собирательное существительное *жемчуг*, в украинском — редко то же самое при обычных формах мн. ч. *перли, перла*.

В западнославянских языках в качестве названия жемчуга употребляется то же заимствование, являющееся формой мн. ч. *perly* конкретного существительного *perla* в польском и собирательным именем *perla* в чешском (при возможной форме мн. ч. *perly*). В старочешском *biser* обозначало драгоценный камень; польск. *bisior* одним из значений имело «бисер, стеклянные разноцветные бусины», являясь в таком случае собирательным.

Таким образом, собирательность может быть свойственна не только именам существительным с формальным показателем данного значения (слав. *-ие, -ник, -ьство* и др., нем. *ge-, -schaft, -tum* и т. д.). Признак совокупного множества присущ именам с лексическим значением собирательности. Формы мн. ч. таких существительных в основном не сохраняют значения собирательности, выражая множество (дистрибутивное).

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. Русский язык. М., 1972.
2. Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.
3. Дегтярев В. И. Формирование категории вещественности.— ВЯ, 1974, № 6, с. 55—57.
4. Геккер С. Ф., Мордовина С. П., Романова Г. Я. Указатель источников Картотеки Словаря русского языка XI—XVII вв. в порядке алфавита сокращенных обозначений. М., 1984.
5. Еселевич И. Э. Из истории категории собирательности в русском языке. Казань, 1979.
6. Десницкая А. В. Категория собирательности и категория массы в истории грамматического строя албанского языка.— В кн.: Грамматический строй балканских языков. Л., 1976, с. 15.
7. Дегтярев В. И. Категория числа в славянских языках. Ростов-на-Дону, 1982.
8. Бондарко А. В. Категории и разряды славянской функциональной морфологии (морфологические категории и лексико-грамматические разряды).— В кн.: Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973, с. 52.
9. Рачева М. К этимологии слова *бисер*.— СТ, 1978, № 7.
10. Лексикони Е. Славинецкого та А. Коредького-Сатановського. Київ, 1973, с. 207.
11. Мелиоранский П. М. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве».— Известия ОРЯС, 1902, т. 7, кн. 2, с. 287—289.
12. Добродомов И. Г. О методах исследования древнейших тюркизмов в составе русского словаря.— ИАН ОЛЯ, 1966, вып. 1, с. 59.
13. Менгес К. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979, с. 96.
14. Дела цесарские, № 1, л. 184.— В кн.: Карамзин М. Н. Примечания к Истории государства Российского. Т. 4—6. СПб., 1858, с. 71.
15. Азарх Ю. С. К истории сингулятивов в русском языке.— Общеславянский лингвистический атлас. 1973. М., 1975.
16. Еселевич И. Э. Из наблюдений над формами множественного числа собирательных существительных.— В кн.: Именное словообразование русского языка. Казань, 1976, с. 77—79.